

Соотнесенность внутренней формы и образности в системе языка и восприятии носителей.

Кармацкая Эллина Викторовна, учитель английского и немецкого языков, кандидат филологических наук, кафедра иностранных языков, муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Гимназия № 11», Бийск, Россия

Электронный адрес: karmatskaya74@mail.ru

Аннотация:

Данная статья посвящена исследованию взаимосвязи внутренней формы и образности в системе языка и восприятии носителей. В связи с этим в работе рассматриваются такие ключевые понятия как «внутренняя форма слова», «образность», «межъязыковая образность». Под «межъязыковой образностью» понимается общность представлений, возникающих у иноязычного носителя, не владеющего данным языком, при предъявлении языковых единиц разной структуры. Материалом для исследования послужили конгруэнтные по плану содержания сложные образования, обозначающие одно и то же понятие в русском и английском языках. Использование явлений, несводимых друг к другу, оказывается весьма продуктивным при исследованиях, в которых наряду с системным материалом представлена область восприятия.

Ключевые слова: внутренняя форма; образность; межъязыковая образность.

Correlation of the inner form and figurativeness in the language system and people's perception.

Karmatskaya Ellina Victorovna, English and German teacher of the municipal budgetary general education institution "Gymnasium 11", Candidate of Philology, Biysk, Russia

Annotation:

This article is devoted to the interrelationship between the inner form and figurativeness in the language system and of the people's perception. The article deals with such main notions as "inner form", "figurativeness", "interlinguistic figurativeness". Interlinguistic figurativeness is a community of representations, which is revealed when people perceive compound notions in foreign languages. The material for researching is compound words which have one and the same meaning. Using different phenomena which appear to be very productive when we speak about researches, in which systematic material as sphere of the perception is presented in the work.

Main notions: inner form, figurativeness, interlinguistic figurativeness.

Любое системно-структурное образование функционирует за счет того, что составляющие его элементы связаны разными типами отношений, причем сама степень такой связанности на разных участках системы определяется характером функционирования данного объекта действительности. Далеко не всегда все типы контактов внутри какого-либо целого лежат на поверхности; случается и так, что исследователь вынужден затратить немало усилий для установления самого факта взаимодействия тех или иных составляющих.

Поскольку язык относится к числу наиболее сложных и по структуре, и по характеру функционирования феноменов действительности, то в его устройстве неизбежно должны присутствовать зоны взаимного притяжения определенных языковых реалий,

обеспечивающие комфортность протекания коммуникативных процессов. Однако такого рода явления не всегда можно обнаружить в пределах одного языка. В этих случаях приходится проводить исследования в межъязыковом пространстве.

Термин «внутренняя форма» в лингвистической литературе используется весьма активно, но далеко не однозначно.

Как известно, в языкознание он был введен В. фон Гумбольдтом, который подробно описал «внутреннюю форму», опираясь на связь языка и мышления; определил связь внутренней формы с тем, что впоследствии было названо «языковой картиной мира». В. фон Гумбольдт отмечал, что «внутренняя форма и есть видение материи мира вещей и явлений...», причем «...в каждом языке заложено самобытное мирозерцание, свойственное именно данному субъекту – будь то народ или даже отдельный индивид» [1, с. 80]. Л.Г. Зубкова отмечает совокупность значений, которые В. Гумбольдт вкладывает в понимание внутренней формы. Сюда относятся: мыслительная материя, под которой понимается совокупность чувственных представлений, метод разделения поля мышления, способ представления элементов мыслительной материи и языковое содержание [2, с. 59]. Такая неоднозначность в определении внутренней формы не случайна, поскольку она отражает многогранность самого явления. Следует уточнить, что, различая внутреннюю и внешнюю стороны, В. фон Гумбольдт имеет в виду, соответственно, смысловую и звуковую стороны не слова, а языка в целом. Мы считаем, что такое понимание «внутренней формы» не противоречит ее наличию в отдельных фрагментах языка: выражениях, словосочетаниях, словах. Автор считает, что «...своеобразие внутренней формы заключено в способе обозначения понятий и требует согласованности между элементами внутренней и внешней формы языка» [1, с. 107]. Не смотря на то, что от В. фон Гумбольдта нас отделяет продолжительный срок, его определение внутренней формы не противоречит современным представлениям о данном феномене. Из этой многогранности определения для нас наиболее существенным и отражающим данное понятие является способ распределения поля мышления, составляющей языковое содержание слова. В отечественной лингвистике впервые к понятию «внутренняя форма» обратился А.А. Потебня, который дает диахроническое толкование данного термина. Под внутренней формой ученый понимал «ближайшее этимологическое значение», первичный признак, легший в основу наименования [3, с. 117]. Такое понимание внутренней формы встречается в работах лингвистов последующего поколения [4, с. 17-18]. Однако в настоящее время внутренняя форма чаще рассматривается в синхроническом аспекте, при этом обычно определяют как проявленность семантической мотивированности знака. Рассматривая вопрос о внутренней форме слова, Ю.С. Маслов пишет: «Мотивировка – заключенное в слове и осознаваемое говорящим «обоснование» звукового облика этого слова, - указание на причину, по которой данное значение оказалось выраженным именно данным сочетанием звуков» [5, с. 160]. Таким образом, при указанном понимании внутренняя форма – это такое содержание лексемы, которое является производным от содержания

другой единицы.

При описании лексических единиц какого-либо конкретного языка определение внутренней формы как мотивированной семантической составляющей знака оказывается вполне достаточным. Отсутствие же внутренней формы предполагает семантическую нерасчлененность знака, немотивированность его плана содержания.

В работах межъязыкового характера данная проблема приобретает иной смысл. Вышеозначенное толкование внутренней формы оказывается «плохо работающим», нерелевантным при сопоставлении эквивалентного лексического материала разных языков, поскольку в этом случае значимым является не положительная семантика единицы, а способ представления содержания, подразумевающий возможность (или наличие) иного членения семантического пространства. «В ряде случаев слова разных языков, обозначающие один и тот же предмет, заключают в себе в качестве основания номинации различные признаки, которые, однако, в равной степени могут рассматриваться как объективные. Такие признаки обнаруживаются, например, в русск. половик и нем. *Läufer* ... Подобные лексические единицы как бы дополняют друг друга с точки зрения фиксированности в них объективных признаков восприятия» [6, с. 235].

Однако достаточно часто наблюдаются явления иного порядка: конгруэнтные – слова в разных языках не представленностью при номинации разных признаков, а способом членения семантического пространства, разным объемом «кусочков» этого пространства. В результате одна и та же лексема при внутриязыковом подходе может рассматриваться как не содержащая внутреннюю форму, а при межъязыковом – как обладающая ею. Так, например при сопоставлении французского *mountine* с русск. *бара*

н
аранина

или русск.

голубой

и

синий

с нерасчлененной единой формой англ.

blue

можно говорить и о различной членимости семантического пространства в сопоставляемых предметах, а следовательно, о проявлении внутренней формы в данных языках. При этом, конечно, мы должны исходить из того, что разноязычные конгруэнтные в плане содержания лексемы «обитают» в одном семантическом пространстве.

Как уже было отмечено выше, внутренняя форма характеризует не только слова, но и языковые единицы большей протяженности, например, сложные номинативные образования в русском и английском языках. Работа такого плана позволяет не только исследовать особенности языковой картины мира того или иного языка, но и дает возможность решить чисто теоретические задачи. В процессе изучения восприятия носителями русского языка поморфемного перевода сложных английских образований использование внутренней формы при описании исходного экспериментального материала оказалось малоэффективным, так как узнавание русского сложного номинативного образования в поморфемном переводе английского сложноорганизованного конгруэнта русскоязычными носителями, не владеющими английским языком, происходило и при несовпадении внутренней формы. С другой стороны, анализ результатов эксперимента показал, что реципиенты не опознавали английские сложные единицы при частичном совпадении внутренней формы. В связи с этим необходимо было обратиться к вопросу соотнесенности внутренней формы и «образности». В предварительном порядке была выдвинута гипотеза, согласно которой успешность восприятия сложноорганизованных иноязычных наименований русскоязычными и англоязычными носителями определяется не только особенностями их структурной организации и сохранностью внутренней формы, а также уровнем идиоматичности, но в значительной степени зависит от наличия ментального «межъязыкового» представления, условно названного «межъязыковой образностью». Под «межъязыковой образностью» понимается общность представлений (в форме образов? картин? фреймов?), возникающих у иноязычного носителя, не владеющего данным языком, при предъявлении языковых единиц разной структуры (неодноосновных слов, фразеологизмов и т.д.).

Образность рассматривается как в системе языка, так и восприятии носителей. В системе языка образность – «лексико – семантическая категория, обобщающая структурно – семантическое свойство единиц лексико – фразеологического уровня языка, проявляющееся в способности обозначить определенное явление внеязыковой действительности ... в ассоциативной связи с другим явлением, не тождественном обозначаемому, на основе их реального или мнимого сходства посредством метафорической внутренней формы языковой единицы» [7, с. 14]. Образность как явление ментальное образуется за счет способности языковых единиц вызывать в нашем сознании наглядные представления, яркие картины, на фоне которых мы воспринимаем предметно – вещественное и понятийно – логическое содержание этих единиц (Ю.П. Солодуб).

Материалом для исследования послужили конгруэнтные по плану содержания сложные образования, обозначающие одно и то же понятие в русском и английском языках. Методом сопоставительного анализа из англо-русского [8] и английских толковых словарей [9] было отобрано 220 единиц для сравнения. За основу была взята классификация, которую предложили немецкий ученый Шиппан [10, с. 56 -61] и

отечественные лингвисты А. Искос и А. Ленкова [11, с. 18 - 19] по характеру соотнесенности внутренней формы в сложных образованиях на материале немецкого и русского языков. Таким образом, было выделено три группы: полное совпадение внутренней формы, частичное совпадение внутренней формы, полное несовпадение внутренней формы. Обратимся непосредственно к экспериментальному материалу.

Cool-headed – хладнокровный (cool – прохладный, спокойный, head – голова, - ed – маркер прилагательного или причастия), процент опознавания сложной английской лексемы носителями русского языка оказался высоким. Первый компонент слова совпадает полностью, несовпадающие компоненты русское «кровь» и английское «голова», с одной стороны, никак не соотносятся, а с другой стороны, английское слово «голова» в сочетании с «прохладным, спокойным» оказывается для носителей русского языка на уровне восприятия ассоциативно близким с русским словом «кровь», чем и объясняется высокий процент верных вариантов ответов. Это позволяет говорить о наличии межъязыковой образности. Однако существуют и другие примеры.

High – handed – высокомерный (high – высокий, благородный, высший, главный, handed от hand – рука, передняя лапа или нога, власть, контроль), первая часть сложного образования совпадает, однако все информанты дали неверные варианты ответов. По-видимому, характер ассоциаций, связанных со вторым компонентом английского слова, для носителей русского языка является иным, чем для носителей английского языка. Слова «мера» и «рука» как бы оказались в разных семантических пространствах, о чем свидетельствуют данные фразеологического словаря. В русском языке существуют такие фразеологизмы, как «рука руку моет», «рукам волю не давать», «держат в своих руках», «взять себя в руки», «из рук вон плохо», «не покладая рук» и другие. Мы видим, что слово «рука» играет большую роль у носителей русского языка, однако ассоциаций, связанных с мерой нет. Реципиенты в основном давали такие ответы. Как «руководитель», «правая рука», «высокопоставленный чиновник», «владыка», т.е. содержащие сему власти. В свою очередь, первый компонент слова обладает высокой степенью валентности и, тем самым, не дает четкого представления о самом предмете. Таким образом, степень фразеологизации данной лексемы для носителей русского языка оказывается высокой. Все перечисленные выше факты приводят к отсутствию межъязыковой образности и, тем самым, объясняют неопознавание сложной английской единицы.

Lady – killer – сердеед (lady – леди, killer - убийца). Часть информантов верно определили значение данной лексемы. Внутренняя форма – совершенно разная, но при этом присутствует межъязыковая образность за счет того, что в русском языке существует такое выражение, как «убить наповал», в значении «сразить, удивить». Женщина может «убивать» своей любовью, внешностью, красотой и т.д. это и объясняет наличие

верных вариантов ответов.

Таким образом, успешность восприятия сложноорганизованных английских образований русскоязычными носителями определяется не только особенностями их структурной организации, но в большей степени зависит от наличия межъязыковой образности.

Использование явлений, несводимых друг к другу (внутренняя форма и образность) оказывается весьма продуктивным при исследованиях, в которых наряду с системным материалом представлена область восприятия.

Литература:

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1984, 250 с.
2. Зубкова Л.Г. Язык как форма. Теория и история языкознания. - М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 1999, 237 с.
3. Потебня А.А. Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. -268 с.
4. Виноградов В.В. Русский язык. - М.: Высшая школа, 1947, 260с.
5. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1975, 323 с.
6. Варина В.Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, 365с.

7. Юрина Е.А. комплексное исследование образной лексики русского языка. АДД, 2005.

8. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. – М.: «Русский язык», 1999.

9. Webster's Universal Dictionary and Thesaurus. – Canada: Tormont, 2000.

10. Shippan Th. Einfuhrung in die Semasiologie. – L., 1975.

11. Iskos A., Lenkowa A. Deutsch Lexikologie. – L. 1970.